

КАВКАЗЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Тифлисъ: въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С.-Петербург. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. и Я. А. Исаковыхъ, г. Крашенинникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газетн. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во всѣхъ Губернскихъ Почт. Конторахъ.

1853.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 8 р. 50 к.
Полугодовое 4 * 80 к.
Газета печатается съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер. со всѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

Его Императорское Величество соизволило отдать слѣдующіе приказы:

Въ присутствіи Своемъ въ С.-Петербургѣ.

Января 20-го дня 1853 года. Производятся: *За отличіе въ дѣлѣ противъ Горцевъ, со старшинствомъ съ 27-го Марта 1852 года.* По Пѣхотѣ. Егерскаго Генераль-Адъютанта Князя Воронцова полка: Подпоручики: **ЗЛАТКОВСКІЙ, МЯЛКОВСКІЙ, ГОРЧАКОВЪ, МИЛОВЗОРОВЪ и КИРИЛЕНКО**, въ Поручики. Прапорщики: **СМИРНОВЪ, ВВЕДЕНСКІЙ, УШАКОВЪ, МЕСАРОНЪ, СУЛИМОВСКІЙ и ЛАУДОНСКІЙ**, въ Подпоручики. По Артиллеріи. 20-й Артиллерійской бригады: Поручикъ **ИНУСОВЪ-ДУДАКОВЪ**, въ Штабсъ-Капитаны. Фейерверкеръ **ИГУМЕНОВЪ**, въ Прапорщики, въ Усть-Лабинскій Артиллерійскій гарнизонъ. *За отличіе по службѣ.* По Кавалеріи. Состоящіе по Кавалеріи: Главный Приставъ Магометанскихъ народовъ Ставропольской Губерніи, Маіоръ **ДАВЛЕТЪ-МИРЗА-ШЕЙХЪ-АЛИ**, въ Подполковники. Кутаисскій Полціймейстеръ, Штабсъ-Капитанъ **МЕЛЕШКО**, въ Капитаны. Младшій чиновникъ особыхъ порученій при Тифлисскомъ Военномъ Губернаторѣ, Управляющемъ и Гражданскою частію, Прапорщикъ Князь **АБАМЕЛИКЪ**, въ Поручики, — всѣ трое съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ и по Кавалеріи. — Назначается. По Ливійнымъ Баталіонамъ. Грузинскаго Ливійнаго баталіона № 17-го Подпоручикъ **РОЖЕСТВЕНСКІЙ**, въ Рязскій Пѣхотный полкъ.

Высочайшими Именными Указами, данными Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами орденовъ: *Св. Анны третьей степени*, 1852 года, по изъявленію благоволенія Его Императорскаго Величества, Ноября въ 5-й день, — по представленію Намѣстника Кавказскаго о полезныхъ дѣйствіяхъ по развитію въ Закавказскомъ краѣ разныхъ отраслей торговли и промышленности, а также о постоянномъ усердіи къ пользанію казны, Закавказскій уроженецъ, дворянинъ, Губернскій Секретарь Иванъ **МИРЗОЕВЪ**. *Св. Анны четвертой степени, съ надписью «за храбрость»*, 1852 года Ноября въ 5-й день, — въ награду отличной храбрости, усердія и трудовъ, засвидѣствованныхъ Главнокомандующимъ Отдельнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, оказанныхъ во время военныхъ дѣйствій при усмирении Осетин, Прапорщикъ Кутаисской милиціи Князь **ГЕОРГІЙ-ЭРИСТО-ПАГАВА**.

ТИФЛИСЪ.

Февраля 2-го дня, Его Святлость Князь Намѣстникъ Кавказскій изволило отдать слѣдующій приказъ по Отдельному Кавказскому Корпусу:

По случаю увольненія въ отпускъ за границу для излеченія болѣзни Командующаго войсками въ при-Каспійскомъ краѣ, Генераль-Адъютанта Князя **Арутинскаго-Долмуркуова**, исправленіе

его должности возложено было мною на Начальника Лезгинской линіи Генераль-Маіора Князя **Орбеляна**, а завѣдываніе послѣднею линіею поручено Командиру Кавказской Резервной Гренадерской бригады Генераль-Маіору Барону **Вранцелю**.

Оба сіи Генерала совершенно оправдали мою довѣренность. Генераль-Маіоръ Князь **Орбелянъ**, не только охранялъ уснѣшно спокойствіе вѣрннанаго ему края въ продолженіе 9-ти мѣсяцевъ, но благоразумнымъ распределеніемъ войскъ вездѣ пріготовлялъ вторгавшимся неприятельскимъ партіямъ невыгодныя для нихъ встрѣчи и неоднократно наказывалъ ихъ сильными пораженіями; ни одно покушеніе Горцевъ не имѣло успѣха и каждое стоило имъ значительной потери. Мѣстная милиція усердно помогала нашимъ войскамъ и отдѣльно мужественно встрѣчала неприятеля. Когда бывший Элисуйскій Султанъ Даниель-Бекъ вторгнулся съ большимъ сборищемъ въ Горныя Магалы, съ намѣреніемъ утвердиться въ оныхъ и дѣйствовать оттуда противъ Нухинскаго уѣзда и Бьлоканскаго округа, Генераль-Маіоръ Князь **Орбелянъ**, съ примѣрною готовностью помогать сосѣднимъ Начальникамъ въ обшемъ дѣлѣ, нашелъ возможность сосредоточить и двинуть въ эти Магалы сильный отрядъ на соединеніе къ отряду, слѣдовавшему туда со стороны Лезгинской линіи, что не мало содѣйствовало къ изгнанію скопищъ возмутителей. Не смотря на это отвлеченіе силъ, предположенныхъ на 1852 годъ въ

ФЕЛЬДТОНЪ.

На дняхъ въ здѣшней типографіи отпечатана, съ разрѣшенія Его Святлости Князя Намѣстника Кавказскаго, комедія на грузинскомъ языкѣ: *Солнечное затмѣніе въ Грузіи*. Автору ея, Зурабу Антонову, актеру грузинской труппы въ Тифлисъ, вспала счастливая мысль воспользоваться комическими сценами, происходившими у насъ, въ Закавказьи, между туземцами, ожидавшими не безъ страха этого явленія и объяснявшими его по своему. Не разказывая содержанія комедіи, что сдѣлаетъ нашъ сотрудникъ Князь Тумановъ, пріготовляющій для «Кавказа» статью о Тифлисскомъ грузинскомъ театрѣ — мы поговоримъ, случая ради, о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ толковъ, пересудовъ, съ которыми простолюдины изъ Грузіи, Армяны и Татары — ждали помраченія солнца.

Вѣсть о затмѣніи — сильно озадачила нашъ Тифлисъ, и послужила поводомъ къ *рамбавіи* самой обильной, оригинальной. Едва ли Парижъ, ожидавшій тогда важныхъ политическихъ катастрофъ, по случаю пересмотра уложенія, или Лондонъ, занятый мыслію о всемірной выставкѣ находились въ такой суматохѣ, какъ

нашъ старый, скромный, тихій городъ. Въ самыхъ темныхъ его закоулкахъ, въ подземныхъ сакляхъ Авлабара, Чугуреть, Ортагалъ — вездѣ знали, что приключится что-то недоброе, и съ наническимъ страхомъ ждали роковаго 16 го числа. Женщины — вѣстовицы, первыя распускающія слухи по блу-свѣту, чисто-сердечныя охотницы до сплетней — успѣли убѣдить своихъ простодушныхъ, довѣрчивыхъ мужей, — что солнечное затмѣніе есть предзнаменованіе близкаго преставленія свѣта, что иначе зачѣмъ ему и быть? вельдъ за нимъ половина Тифлиса, Авлабаръ, со включеніемъ *Харпухи-сонели* будутъ поглощены землею, что три дня темнота будетъ стоять такая, что хоть глазъ выколи. Вельдствіе этихъ, не подлежащихъ сомнію толковъ — многіе заблаговременно купили свѣчей, а другіе, потруливше, убралась изъ осужденнаго на погибель Авлабара. Поговаривали еще, что величайшій драконъ вступитъ въ борьбу съ солнцемъ, луною и звѣздами, стычка будетъ кровавая, и при этомъ небо употребитъ всѣ свои громы и молніи, лишь бы перебилъ чудовище. Другіе показывали видъ будто не боялись затмѣнія, что имъ дескать достоверно извѣстно какъ будетъ дѣло, что Авлабаръ и Харпухи-сонели не провалятся, а что можетъ быть только нѣкоторые мѣста переиѣнятъ свое положеніе: такъ Пет-

хайнская церковь перепрыгнетъ черезъ Мтацминдскую гору, а гора передвинется въ Куки — по минованіи же затмѣнія все прійдетъ въ прежнее состояніе. Наконецъ были и такіе что опровергали ихъ — говоря, что и они знаютъ кое-что, что и они читали газету «Кавказъ» — а тамъ все объявлено: и когда и какъ солнце затмится, — и что опасаться ничего не нужно!...

Но этимъ господамъ народъ плохо вѣрилъ, а обращался за совѣтами къ *мкхтхави* (пороже-ля), играющимъ въ Грузіи такую же роль, какъ пыганки въ Испаніи и Молдавіи — и туземныя свавлы изощрили умъ выдумывая различныя вѣщности. . . Но всѣхъ ихъ не перескажешь, такъ усердно работали женскіе и мужскіе языки, такъ сильно предрасудки вдохновляли народъ!

Затмѣніе не въ одномъ Тифлисъ, послужило предметомъ *рамбавіи*, но во всемъ краѣ. Въ Борчалинскомъ уѣздѣ, на примѣръ, оно было причиною одного смѣшнаго происшествія. Почтенные Татары въ то время постились; былъ у нихъ *рамзанъ*. Не вѣря въ затмѣніе, они, какъ только покрылся тнью весь дискъ солнца, настала тма, бросились вѣтъ — и съ ужасомъ, чрезъ нѣсколько минутъ увидѣли, что наруши-

при Каспійскомъ краѣ предпріятія произведены совершенно удовлетворительно, здоровье войскъ, благодаря попечительности главнаго мѣстнаго Начальства, находилось въ хорошемъ состояніи.

Генераль-Маіоръ Баронъ *Врангель*, завѣдывавшая Лезгинскою линіею въ самое трудное время когда скопища *Даніель-Бека* укрѣпились въ Горныхъ-Магалахъ и оттуда безпрестанно высылали партіи на плоскость, употребили дѣлая ему средства столь искусно и благоразумно, что партіи эти не могли нанести жителямъ никакого вреда, а въ исходѣ іюля, собравъ свои резервы, быстро двинулся въ Горные-Магалы чрезъ *Элису*, въ то время какъ резервы изъ Дагестана направлены имъ были туда же вверхъ по Самуру. Хорошо соображенное движеніе это имѣло послѣдствіемъ изгнаніе скопищъ *Даніель-Бека*; послѣ чего приступлено было имъ къ трудной, но важной для спокойствія края мѣрѣ, переселенію жителей сихъ Магаловъ на плоскость, что и было совершенно съ полнымъ успѣхомъ. Попытки, произведенныя на другихъ пунктахъ Лезгинской линіи, вслѣдствіе отражены съ урономъ для непріятеля, а въ Бьлоканскомъ округѣ спокойствіе видимо упрочилось; разбѣянные въ лѣсахъ хутора собраны въ правильные аулы и вообще Генераль-Маіоръ Баронъ *Врангель* много содѣйствовалъ въ расположеніи умовъ жителей этого округа въ вашу пользу. Осмотрѣнная мною войска внутренняго ему отряда, нашелъ я въ отличномъ состояніи и съ самымъ малымъ числомъ больныхъ, что и должно приписать неуспѣшной его попечительности о здоровьи нижнихъ чиновъ, ихъ довольствіи и помѣщеніи.

Отдавая полную справедливость этимъ заслугамъ, я вѣщаю себя въ пріятную обязанность передать Генераль-Маіорамъ: Барону *Врангелю* и Князю *Орбеляну* выраженіе искренней моей признательности и объявить о томъ по войскамъ ввѣреннаго мнѣ Корпуса.

— Въ *Journal de Const.* напечатанъ весьма длинный султанскій фирманъ, которымъ значительно распространена власть генераль-губернаторовъ, съ цѣлью придать болѣе твердости и быстроты въ дѣйствіяхъ правительственнымъ распоряженіямъ, особенно въ отдаленныхъ областяхъ имперіи. По смыслу этого фирмана, всѣ мѣстныя начальства въ каждой области непосредственно подчиняются генераль-губерна-

ли постъ, что напали они грязь, вмѣсто кушанья. Мѣстные муллы не въ состояніи были рѣшить затруднительнаго и мудренаго вопроса: виноваты ли му сульмане или солдаты, и надо ли вмѣсто этого дѣлаться еще дѣнь — или ужъ такова бы на воля предопредѣленія и нужно возложить упоманіе на Аллаха! Дѣло было представлено на усмотрѣніе тифлискаго муджтеда — рѣшеніе коего намъ къ сожалѣнію неизвестно. . . .

Комедія г. Антонова была съ успѣхомъ разыграна на здѣшней сценѣ и по всей вѣроятности найдется, между туземцами много охотниковъ купить эту книжку, изданную очень опрятно и продающуюся по умѣренной цѣнѣ. (*)

МЕЛОЧИ.

— Одинъ изъ опытныхъ французскихъ земледѣльцевъ открылъ простое средство имѣть плоды на фруктовыхъ деревьяхъ, средство, которое могло бы быть употреблено и въ нашихъ Закавказскихъ садахъ. Сперва, говоритъ онъ, слѣдуетъ облачить корень дерева на глубину отъ 3 до 23 дюймовъ, смотря по

(*) Продается на квартирѣ автора, въ домѣ Князя Эристова, въ Кукахъ. Цѣна 4 р. сер.

туру, на котораго возлагается и вся ответственность за ихъ дѣйствія; на этомъ основаніи ему предоставляется право, по усмотрѣнію своему, отрывать отъ должностей, по неспособности или за злоупотребленія, мугассилей (мѣстныхъ гражданскихъ начальниковъ), каймакановъ (ихъ помощниковъ) и мюдиоровъ (сборщиковъ податей), и представлять на утвержденіе Порты достойныхъ лицъ къ замѣщенію этихъ должностей, съ полною отвѣтственностью за избираемыхъ имъ чиновниковъ, въ такой степени, что даже въ случаѣ растраты мюдиоромъ казенныхъ суммъ, сіи послѣдніе пополняются генераль-губернаторомъ, въ случаѣ невозможности разыскать ихъ съ назначеннаго по представленію его мюдира; всѣхъ остальныхъ чиновниковъ въ области назначаетъ и отрываетъ самъ генераль-губернаторъ. Особенному и личному попеченію генераль-губернаторовъ ввѣрятся своевременное и полное взысканіе податей и преслѣдованіе и истребленіе разбойниковъ и разбойничьихъ шаекъ; генераль-губернаторамъ предоставляется противъ сихъ послѣднихъ употреблять вооруженную силу, а въ случаѣ поимки подвергать ихъ на мѣстѣ преступленія заслуженнымъ наказаніямъ, кромѣ смертной казни, которая должна быть утверждена Султаномъ.

— Султанскимъ повелѣніемъ бывшій великимъ визиремъ, а передъ тѣмъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, *Аали-паша* назначенъ Смирскимъ генераль-губернаторомъ, на мѣсто *Кіамил-паша*.

ВѢСТИ ИЗЪ ПЕРСІИ

По волѣ Его В—тва Персидскаго Шаха, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ *Мирза Сеидъ-Ханъ*, пользующійся въ Персіи репутаціею умнаго, свѣдущаго и дѣятельнаго чловека — назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. При этомъ случаѣ онъ получилъ титулъ *джа-набъ* и въ подарокъ отъ Шаха три почетныхъ кафтана.

Второй секретарь этого же министерства *Гаджи Мирза-Ахмедъ-Ханъ* назначается повѣреннымъ въ дѣлахъ при Константинопольскомъ Дворѣ, на мѣсто умершаго *Мамедъ-хана*.

— *Мирза Бузуркъ Кезвини*, бывшій чиновникъ особыхъ порученій при Гаджи-мирза-Агаси — назначенъ консуломъ въ Эрзерумъ.

— Общественная больница, учрежденная

глубинѣ, на которую корни вошли въ землю. Вырытую на одинъ, два или три метра вокругъ ствола, землю, смотря по климату и по силѣ дерева, должно замѣнить болѣе тучною землею или перегорѣлымъ навозомъ. Повторять это нужно ежегодно въ декабрѣ мѣсяцѣ. Поступая такимъ образомъ, можно имѣть фрукты въ изобиліи, сколько не истощая дерева. Само собою разумеется, что способъ этотъ можетъ быть примененъ только въ известныхъ широтахъ.

— Нельзя не удивляться силѣ и ловкости нашихъ мушкетеровъ (носильщиковъ) въ перетаскиваніи почти неповерныхъ для человеческихъ плечъ тяжестей. Но какъ много чловека у насъ несетъ иногда на плечахъ своихъ, столько же мало везетъ на себѣ лошадей, — сравнительно съ лошадью во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Тяжесть, поднимаемая у насъ черводарскою лошадью, на вьюкѣ, простирается отъ 6 до 8 пудовъ, рѣдко до 10. Лошадь въ повозкѣ съ тяжестью у насъ еще мало работаетъ; тому виною непреодолимое правило туземцевъ — слѣдовать привычкамъ и обычаямъ отцевъ своихъ. — Въ Россіи, лошадь легко везетъ 25 пудовъ въ повозкѣ, часто 40 п. и болѣе. На состязаніи въ С. Петербургѣ, въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, лошадь *Визануръ*, въ 1880 г., повезла 362 пуда и получила призъ. Другая лошадь, въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, также на состязаніи, въ 1881 г., повезла, кажется, около 260 п. и также получила

персидскимъ правительствомъ въ Тегеранѣ — все болѣе и болѣе заслуживаетъ довѣріе въ царствѣ. Съ 12-го Декабря прошлаго года, по 30-е Января настоящаго, изъ этой больницы пышались, совершенно изцѣлившіеся 1238 чловека.

— По распоряженію Шаха, всѣ баталіонные, полковые и бригадные командиры, каждый разъ, по окончаніи своихъ служебныхъ обязанностей: ученія и смотровъ ввѣренныхъ имъ частей войскъ, — обязаны являться къ учителю тактики — Колонелю, и въ продолженіи четырехъ часовъ слушать его лекціи.

Здоровье Его В—тва Шаха — находится въ вожделѣнномъ состояніи. Въ теченіи двухъ прошедшихъ мѣсяцевъ — онъ дѣлалъ смотръ пѣхотнымъ полкамъ, ѣздилъ на охоту, въ *Донабекимскія* горы и посѣщалъ гробницу святаго Шаха *Абдуль-Азиза*, находящуюся въ 20 верстахъ отъ Тегерана.

— Изъ Испагани пишутъ, что одна изъ тамошнихъ женщинъ, разрышилась отъ бремени тремя дѣвочками. Народъ говоритъ, что доказано многими случаями, и не подлежитъ сомнѣнію, что подобные плодильные роды означаютъ долготѣе царствующаго Шаха.

(Пер. изъ Пер. газ.)

АРМЯНСКІЕ АШУХИ.

(Окончаніе.)

Изъ известныхъ мнѣ тифлисскихъ ашуховъ, старѣе всѣхъ Саятъ-Нова. Хотя въ тетради своей онъ упоминаетъ нѣкоторыя пѣсни, сложенныя тифлисскимъ же ашухомъ *Дости*, но, несмотря на всѣ мои старанія, до сихъ поръ я не могъ приобрести ни одного произведенія сего послѣдняго, на армянскомъ языкѣ; а потому изданіе ашухскихъ пѣсней начинаю всѣми Саятъ-Новы.

Полтора вѣка тому назадъ какой-то бѣдный армянинъ приходитъ изъ Аленна въ Грузію, вѣроятно, чтобы поискать счастья; онъ селится въ Тифлисѣ и въ послѣдствіи женится на армянкѣ изъ Авлабара. У него рождается сынъ, котораго наименовываютъ Арутиномъ (*Анастасіемъ*). Объ этомъ выходитъ изъ Аленна я не могъ собрать никакихъ свѣдѣній, и только изъ словъ сына его, Арутина, видно, что онъ носилъ имя *мехдеси*, — названіе, принимаемое всеми, удостоившимися посѣтить святые мѣста Иерусалима.

призъ. Прошу сказать это нашимъ черводарамъ: ни за что не повѣрятъ!

— Мы тѣснимся величиною нашихъ Пухискихъ грушъ, известныхъ подъ именемъ *Гуляби*. Въ одномъ изъ №№ Сиб. вѣдомостей прошлаго года было помѣщено извѣстіе объ одной грушѣ — великанѣ, предъ которою наша гуляби едва не карлики. На Ліонской выставкѣ сельско-хозяйственныхъ произведеній, въ числѣ многихъ достопримѣчательностей, находился огромный сортъ грушъ, известный подъ именемъ *belle angevine*, но изъ нихъ одна была истинно замѣчательна, выросшая въ одномъ изъ садовъ Ронскаго Департамента; эта груша — великанъ въ основаніи своемъ имѣла около 13 дюймовъ (поль-аршина безъ одного дюйма), въ окружности около 19 дюймовъ (почти 11 вершковъ) и высотой около 6 дюймовъ, не считая вѣтви; она вѣсила около 2 $\frac{3}{4}$ ф. Судя по наружности, величина ея несколько не уменьшила ея вкуса. Одна эта груша могла бы служить хорошимъ десертомъ для нѣсколькихъ гостей. Было бы весьма желательно, чтобы въ числѣ безчисленныхъ новыхъ сортовъ различныхъ фруктовъ, развели у насъ, за Кавказомъ, и эти великаны — груши.

Родители отдають своего маленькаго Арутина въ ученю ткачу, у котораго этотъ быстрый и способный мальчикъ дѣлаетъ въ короткое время большіе успѣхи въ ремеслѣ и даже изобрѣтаетъ для размотки пряжи новую машину, перенятую скоро его товарищами. Нашъ искусный ткачъ, вѣроятно, очень рано подслушалъ въ себѣ поэтическое призваніе: съ самаго дѣтства, приготавливая себя постомъ и молитвою, онъ начинаетъ изучать ладъ и складъ пѣсней, и, по милости Предтечи, патрона ашуховъ, усваиваетъ себѣ игру на каманчѣ (персидской скрипкѣ), чонгурѣ и амбурѣ (родъ гармоники).

Между тѣмъ, пока еще не утвердился въ силѣ своего таланта, Арутинъ дѣлитъ свое время между тканьемъ и музыкою. Пѣсно, сложенную утромъ подъ аккомпаниментъ самолета, перелѣ станкомъ, — онъ распѣвалъ вечеромъ своимъ сладкимъ голосомъ въ высокихъ дарбазахъ богатыхъ армянъ. Въ послѣдствіи, промѣнявъ самолетъ на каманчу, которой общаетъ много утѣхъ въ будущемъ, онъ смѣло выступаетъ на поприще пѣснопѣнья и своимъ ашухскимъ прозвищемъ, — *Саятъ-Нова*, заставляетъ забыть прежняго ткача Арутина, такъ — что до сихъ поръ тифлисскіе жители своего любимаго пѣвца знаютъ не иначе, какъ подъ ашухскимъ прозвищемъ.

Изъ всего видно, что *Саятъ-Нова* началъ ашухство татарскими пѣснями; ими начинается его тетрадь, въ которой самая старая пѣсня есть татарская: она сложена въ 1742 г. Въмѣстѣ, съ тѣмъ въ тетради мы видимъ, что за татарскими пѣснями слѣдуетъ армянская, подъ которою приписано пѣвцомъ: *теперь желаю пѣть* (т. е. сочинять) *по-армянски*. Эти слова ясно говорятъ, что *Саятъ-Нова*, прославивъ себя татарскими, быть можетъ, и грузинскими пѣснями, захотѣлъ слагать ихъ и на родномъ своемъ языкѣ; изъ армянскихъ пѣсней, время сложения которыхъ почти вездѣ отмѣчено, самая старая сочинена десятию годами позднѣе татарской, въ 1752 г. И такъ, подобно многимъ, и *Саятъ-Нова* прославилъ себя первоначально татарскими пѣснями, хотя невѣроятно, чтобы въ продолженіе десяти лѣтъ не было сложено имъ ни одной армянской пѣсни. Быть можетъ, въ этотъ промежутокъ сочинены имъ тѣ армянскія пѣсни, которыхъ время пѣвцомъ не отмѣчено.

Саятъ-Нова есть одинъ изъ плодовитѣйшихъ ашуховъ; въ продолженіе семнадцати-лѣтней своей ашухской жизни, онъ сложилъ, кромѣ 114 татарскихъ и 46 армянскихъ пѣсней, пѣвческихъ намъ изъ его тетради (не говоря уже о импровизированныхъ и другихъ недодѣланныхъ до насъ произведеній сего рода), собственно на грузинскомъ простонародномъ языкѣ множество игривыхъ пѣсней и остроумныхъ поговорокъ, которыхъ отрывки, но и то клочками, иногда припоминаетъ скоро перенимающей и легко забывающей народъ. Если бы Провидѣніе не сохранило намъ собственноручной тетради пѣвца, то мы не имѣли бы никакой возможности составить сколько нибудь удовлетворительное понятіе о характерѣ этого ашуха, тѣмъ болѣе, что даже итѣ никакой возможности собрать какія-либо свѣдѣнія о жизни этого увеселителя тифлисскихъ армянъ, грузинъ и татаръ. И это не удивительно: *Саятъ-Нова* послѣднія свои двадцать пять лѣтъ жилъ въ уединеніи, влади отъ Тифлиса и его жителей. Теперь нѣтъ въ живыхъ никого изъ свидѣтелей его славы, и если время сохранило еще здѣсь некоторыхъ маститыхъ старцевъ, то и они видѣли *Саятъ-Нову* ашухомъ, будучи сами тогда 6 или 8 лѣтъ отъ роду; однако они хорошо помнятъ, какъ пѣснолюбивыя дѣти, бѣгая за изрѣдка — поплывавшимся въ Тифлисѣ *Саятъ-Новою* и указывая на него пальцами, говорили другъ другу: *знаешь ли? — вотъ Саятъ-Нова!* Передавая намъ слышанное отъ стариковъ, они разсказываютъ, что этотъ любимецъ царя Ираклія и всего его двора былъ — гуляка беззаботный, увеселитель красавицъ и утѣшитель вдовъ, и какъ искусный скрипачъ, владея самымъ при-

ятнымъ голосомъ, онъ считался лучшимъ и необходимымъ украшеніемъ пиршествъ царя и вельможъ. Да и самъ *Саятъ-Нова*, выхваляя свою каманчу, очень вѣрно изображаетъ жизнь свою, говоря:

«Когда на пару обсядутъ тебя, дѣвы-красавицы ты одна каманча моя, — составляешь по-ловину всего пиршества.» Дѣйствительно, мы должны вѣрить *Саятъ-Нову*, когда онъ, описывая свою болѣзнь, говоритъ своей возлюбленной: «Врачи, ударяя рукою о колено, жалуютъ обо мнѣ, и пришедшій пригласить меня на пиръ, «возвращается домой одинокой и, вздыхая, говоритъ: ахъ, *Саятъ-Нова!*»

Отъ одной столѣтней старушки, которой иногда читалъ я пѣсни этого ашуха — съ намѣреніемъ, освѣживъ пріятными впечатлѣніями ея память, получить какія-либо свѣдѣнія о жизни *Саятъ-Новы*, — часто приходилось мнѣ слышать слѣдующія слова, сопровождаемая удареніемъ рукою о колено: «*Вѣдь это нашего Саятъ-Новы пѣсня! Жаль тебя, Саятъ-Нова! сколько утѣхъ доставилъ ты на вѣку своему!*»

Если этотъ даровитый импровизаторъ доставлялъ много утѣхъ своими пѣснями, то иногда исполнялъ онъ и обязанность душевнаго врача. Старики разсказываютъ, что однажды семейство Ираклія II и царедворцы были сильно встревожены постигшимъ царя припадкомъ меланхолии, которая нѣрѣдко посѣщала этого храбраго воеводу, невѣщаго покоя отъ вѣнскихъ враговъ. Источивъ все женскія ласки и всю придворную лесть, они принуждены были прибѣгнуть къ вдохновенной рѣчи *Саятъ-Новы*. Наигривая на каманчѣ, онъ входитъ въ покои царя и, не обращая вниманія на его ласковыя приемы, смѣло обращается къ нему съ словами: «ты — Кура, возмущенная Араксомъ! я не могу вынести твоего раздумья!» — и помраченное чело любимаго имъ Государя увѣчалось тихою радостью.

Свѣдѣній вездѣ радость *Саятъ-Новы*, какъ видимъ изъ его пѣсней, и себя не лишаетъ утѣхъ. Его любящая душа пѣвца, вѣроятно, не одну красавицу слонми страстными словами: «Головушку отдаю на жертву за гранаты груди твоей! мнѣ будетъ блаженствомъ — испустить духъ на твоей нѣжно-пальмовой рукѣ! и готовъ я положить подъ изголовье камень, «лишь бы дали мнѣ спать у порога моей возлюбленной!» Но и самъ онъ въ плѣну любви, сгорая страстью, и одного дня не хочетъ жить безъ подруги: «Ты насильно предаешь себя смерти, и я умру съ тобою! Послѣ насъ пусть вся вселенная потерпитъ голодь, и да не увидитъ хлѣба!» Однакожъ не всегда остается онъ въ этомъ мрачномъ самозабвеніи. Воздерживая себя отъ всехъ плотскихъ пожеланій, онъ охотнѣе выражаетъ свое отчаяніе, какъ виртуозъ, и говорить: «Если недѣлю не увижу тебя, оборву струну каманчи моей!» — и, при описаніи своихъ страстныхъ ощущеній, не оскорбляетъ скромнаго чувства. Какъ чистое понималъ онъ святость любви, мы видимъ изъ его обѣта: «Даже и безсмертіе достану для тебя — любовью!»

Но радости *Саятъ-Новы* длятся не долго. Скоро имъ овладѣваетъ непреоборимая тоска; любовь свою и страстныя томленія души онъ выражаетъ такою грустною рѣчью, что больно сердцу, и по временамъ высказываетъ разочарованіе свое — къ жизни, міру и даже къ пѣвцамъ.

Въ этомъ разочарованіи, высказывая ропотъ свой, что *правда его не имѣетъ хода*, такъ какъ *умножилась неправда толпы*, *Саятъ-Нова* назидаетъ свое *безумное сердце* и внушаетъ ему любить *Бога, душу, друга, скромность, знаніе, совѣтъ, терпѣніе, правду, смиреніе, нищихъ, гостя, странника* и наконецъ, открывъ основу тоски своего сердца — страхъ Божьяго суда, совѣтуетъ себя въ особенности полюбить *монастырь, пустыню, пещеру*. Третья пѣсня *Саятъ-Новы*, заключающая въ себѣ всѣ

нравственные элементы жизни и въ которой простою и краткою рѣчью выражаются всѣ потребности общества, свидѣтельствуетъ о нравственномъ и религіозномъ развитіи этого народнаго пѣвца.

Онъ чувствовалъ свое призваніе и постигалъ свое назначеніе. Называя себя *слугою народа*, онъ внушаетъ себя — служить усердно народу и, именуя его *кривымъ деревомъ*, сознаетъ, что исправленіе этого дерева есть священныи долгъ поэта, — и потому весьма вѣрно придаетъ себѣ названіе *столяра*. Правственныи столяръ народа понималъ такъ же, что поэтъ, предохраняя сердце свое, чтобы *не бросили въ него камнемъ и не разбили его*, — не долженъ оскорбляться неблагодарностью и грубостью толпы, а напротивъ всякому подносящему *железь* долженъ отвѣчать *медомъ*, въ томъ убѣжденіи, что народу предстоить получить свыше свое поученіе и исправленіе. Однакожъ, принимая на себя долгъ проповѣдника, онъ всегда поучаетъ любить и творить *добро*, которое ставитъ выше всехъ мудростей и знаній человѣческихъ, и говоритъ: «Хотябъ ты зналъ и число звѣздъ на небѣ, безъ благочестія — пропадетъ, другъ мой, великій подвигъ!»

Въ этомъ состояніи свѣтлая душа его, хотя и прозрѣваетъ лучезарность будущей жизни, но все таки остается въ раздумьи: «Здѣсь свадьба, тамъ плачь; здѣсь бесѣда, тамъ пѣсня; здѣсь служеніе Господу, тамъ раздаются со-губные любовью гимны; — утоляя жажду души, слышишь ропотъ плоти! Которое изъ этихъ страданій нести мнѣ, горемычному *Саятъ-Нову?*»

Вопросъ о духѣ и плоти, съ раннихъ поръ не даетъ ему покоя и долго держитъ его въ борьбѣ съ самимъ собою. Наконецъ, утомясь отъ забавъ и тревогъ суетной жизни и, въ душевной тоскѣ своей, говоря — «однѣмъ въ власяницу, пойду и по-одиночкѣ обойду все «пустыни», *Саятъ-Нова* ищетъ уединенія, оставляетъ дѣтей своихъ въ Тифлисѣ, удаляется въ Ахпатскій монастырь и здѣсь постригается въ иноки (°).

Никому неизвѣстно, когда именно постригся *Саятъ-Нова* въ иноки. По мнѣнію нѣкоторыхъ, едва ли прежде смерти жены своей; но можно допустить, что еще и при жизни жены онъ отказался отъ пѣсней, потому что въ тетради его нѣтъ ни одной пѣсни, сложенной имъ послѣ 1759 года. Считая ашухство дѣломъ грѣховнымъ и, при религіозномъ своемъ направленіи (что усматривается даже изъ его татарскихъ пѣсней), нося въ душѣ жажду къ иночеству, *Саятъ-Нова*, вѣроятно, отрекся отъ ашухства еще до смерти жены своей. Мнѣніе это подтверждается сдѣланною въ концѣ тетради припискою нѣкоего *Ивана Пентелианца*, вѣроятно, друга *Саятъ-Новы*; смыслъ просьбы его показываетъ, что ашухъ давно отказался отъ пѣснопѣнія. Приписка эта сдѣлана въ 1763 году, еще за три года до смерти жены *Саятъ-Новы*, погребенной на Авлабарскомъ кладбищѣ. На надгробномъ камнѣ ея вырѣзана надпись, на грузинскомъ языкѣ: *Хрошикона 436 (1763 годъ по Р. X.). Подъ этимъ камнемъ покоится Мармара, жена Саятъ-Новы*. Годъ этой надписи, по обыкновенію края, долженъ быть принятъ не за годъ поставки памятника, а за время смерти. Слѣдовательно, время постриженія *Саятъ-Новы* въ иноки, по всему вѣроятію, слѣдуетъ считать послѣ 1763 года.

До насъ не дошло никакихъ подробностей объ иноческой его жизни. Въ Ахпатѣ не осталось ни одного старца, который могъ бы передать что либо-объ этомъ ничѣмъ незамѣтномъ инокѣ. Его игривое воображеніе давало ли плоды, соответственныя новому его положенію, неизвѣстно; а если и творило что-ли-

(°) Ахпатскій монастырь находится Тифлисской губерніи въ Борчалнскомъ участкѣ, въ 60 верстахъ отъ Тифлиса.

бо, то некому было сохранить ихъ. Его про-
сты, сложенные на простонародномъ языкѣ,
гимны, не могли нравиться нашимъ ученымъ
монахамъ, истощавшимъ свой умъ въ схола-
стическихъ преніяхъ. Знаю только, что гуль-
ливые Тифлисы и въ монастырь не дали
покою своему любимому пѣвцу, и полагая, что
и подъ мрачнымъ клобукомъ монаха осталась
все та же пылкая голова ашуха, — сложили
сказку, будто до слуха Саятъ-Новы доходитъ
вѣсть о прибытіи въ Тифлисъ иноземнаго ашу-
ха; мучимый страхомъ победы иноземца надъ
его любезнымъ городомъ, онъ, не смотря на
суровую зиму, спѣшитъ изъ Ахпата въ Тиф-
лисъ; здѣсь онъ останавливается на ахпат-
скомъ подворьи, у такъ называемой Большой
крѣпостной церкви (близъ татарскаго майдана)
и вскорѣ тайкомъ уходитъ оттуда; Ахпатскій
архіерей Давидъ, извѣщенный о его прибытіи
и не видя его, требуетъ къ себѣ; узнавъ же
объ отсутствіи изъ подворья только-что при-
бывшаго инока, приказываетъ прислужникамъ
отыскать его; въслѣдствіе поисковъ, они нахо-
дятъ Саятъ-Нову переодѣтымъ въ платье ми-
рянина: онъ сидѣлъ въ кругу своихъ прежнихъ
товарищей и друзей, подъ мостомъ, на льду
замерзшей рѣки, и, держа въ рукѣ каманчу, уже
вступилъ въ состязаніе съ новымъ ашухомъ;
но въ то самое время, когда Саятъ-Нова оста-
вался только нанести конечное пораженіе
своему сопернику, приступаютъ къ нему ар-
хіерейскіе прислужники. . . . Однако это пре-
даніе и подобныя ему выдумки остроумныхъ
Тифлисцевъ не заслуживаютъ вѣроятія; ибо на-
до полагать, что нашъ, удрученный грѣхами,
инокъ проводилъ дни только въ искупленіи по-
стомъ и молитвою прежнихъ своихъ прегрѣ-
шеній.

Обстоятельства послѣднихъ дней жизни пѣв-
ца извѣстны многимъ Тифлисцамъ. Они разска-
зываютъ, какъ Саятъ-Нова, услышавъ о при-
ближеніи къ предѣламъ Грузіи войскъ Ага-
Магометъ-Хана, вспомнилъ о дѣтяхъ своихъ
(у него было два сына: Мельхиседе и Оханъ,
и двѣ дочери: Сарра и Маріамъ) и, прибывъ въ
Тифлисъ, отправилъ ихъ въ Моздокъ. Едва
только Саятъ-Нова успѣлъ снарядить въ путь
дѣтей своихъ, какъ Персіане вступили въ го-
родъ и, ворвавшись на дворъ Большой крѣп-
остной церкви, начали рѣзню и грабежъ.
Въ это время они застаютъ Саятъ-Нову
въ церкви за молитвою и приказываютъ
ему выйти оттуда и отречься отъ вѣры своей;
но инокъ отказывается и испускаетъ духъ подъ
ударами сабель Персіанъ, съ словами на устахъ:
«не выйду изъ церкви, не отрекусь отъ Исуса!»
Такимъ образомъ этотъ слуга народа приши-
маетъ мученическую смерть, какъ рабъ Божій!
Было это въ сентябрь 1795 года.

Спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ
Персіане оставили Тифлисъ, тѣло его предано
землѣ предъ сѣверными вратами Большой крѣ-
постной церкви, и хотя нѣтъ камня на могилѣ
Саятъ-Новы, но такъ разсказываютъ присутство-
вавшіе при его погребеніи.

Въ заключеніе этого прекраснаго очерка
жизни и подвиговъ замѣчательнаго пѣвца, при-
ведемъ здѣсь нѣсколько строкъ его, въ самомъ
близкомъ переводѣ; при чемъ нельзя не сознать-
ся, что какъ всякая копія уступаетъ оригина-
лу, такъ и полнинникъ этихъ пѣсень, весьма
натурально, выше нашего перевода.

ЧЕТЫРЕ ПѢСНИ САЯТЪ-НОВЫ.

I.

Когда бы мнѣ дали, на весь твоего тѣла,
жемчугу,
Когда бы мнѣ дали, на весь твоего тѣла, алмазу:
Другъ мой, не выдамъ, не разлучу тебя съ
подругою, — четою!

Не убоюсь смерти предстоящей,
Ни угрозъ соперника!
Будь на то хоть повелѣніе самого шаха!
Другъ мой, не выдамъ, не разлучу тебя съ
подругою, — четою!

Когда бы мнѣ дали, на весь твоего тѣла, алмазу,
Когда бы мнѣ дали, на весь твоего тѣла, жем-
чугу:
Другъ мой, не выдамъ, не разлучу тебя съ
подругою, — четою!

II.

Изъ словъ твоихъ вижу я, другъ мой, какъ
непорочна и чиста душа твоя! Ты для меня —
вода безсмертія, сохраненная въ золотомъ со-
судѣ! Какъ мнѣ насытитесь тобою, — млечнымъ
источникомъ? Миръ — море, ты — пѣна: подобно
челну, ты несешься по немъ. Ты — неугасимый
огонь: страшусь, чтобъ не сожгла ты и меня!

Что готовишь ты мнѣ? Что пророчить мнѣ
твое гаданье? Богъ свидѣтель: мнѣ прожгла
сердце твоя газелья поступь! Изчезнетъ ли рѣ-
дника съ ланиты твоей, будешь ли ты любить
меня или нѣтъ, станешь ли ненавидѣть или да-
рить меня подѣлуями: не измѣню тебѣ!

Кто побѣдитъ тебя въ рѣчи: ты — родникъ
словъ, краше драгоценныхъ камней! Ты на-
полнила миръ благоуханіемъ: ты бальзамное
дерево! Нѣтъ тебѣ подобной въ безумьи отъ
любви! Въ огонь ея пылаешь ты, и многихъ
испепелишь съ собою, владея пламеннымъ язы-
комъ любви!

Ты отняла у меня умъ, отравила мнѣ вну-
тренность, сокрушила мнѣ сердце, въ игру обра-
тила любовь свою! Но, уничтожая меня, стра-
дала ли и ты со мною? Хотя теперь, на зовъ
любви, — встань и приди, веселись и весели,
какъ гость подобаетъ!

Съ молитвою на устахъ, стою я всегда на
дорогѣ, которая должна вести тебя ко мнѣ.
Миръ насытился миромъ, а сердце мое все еще
томится голодомъ по любви твоей! Но ты не
приходишь и не спрашиваешь: «много ли про-
лито слезъ тобою, Саятъ-Нова?» Мутно сердце
твое: не блуждаетъ ли и умъ твой?

III.

Не грусти, сердце мое, — чтобъ злой духъ не
возмутитъ умъ твой. Пусть оглохнетъ, помра-
чится весь миръ: чтобъ не видать лица твоего
омоченнымъ слезами!

Чтобъ ни солнцу не давать лучей, ни мѣся-
цу свѣта! Пусть прежде постигнетъ смерть то-
го, кому суждено видѣть тебя съ открытой
головою (въ траурѣ)!

Ты насильно предаешь себя смерти, — и я ум-
ру съ тобою! Послѣ насъ пусть вся вселенная
потерпитъ голодъ, и да не увидитъ хлѣба!

Если не приду и не увижу съ тобою, ты
осыпнешь меня тысячами упрековъ: лучше не
посѣщать тебя, ни говорить съ тобою, чтобъ
не видѣть тебя въ печали!

Прими Духа-Утѣшителя изъ устъ Господа,
и пусть прежде постигнетъ смерть Саятъ-Нову,
чтобъ не видать ему тебя съ пощекшей голо-
вою!

IV.

Миръ окно: наскучили мнѣ его своды! Опро-
тивили мнѣ раны его: онѣ язвятъ зрителя!
Вчера было лучше, чѣмъ сегодня: опостыла
мнѣ надежда на завтра! Человѣку не всегда
быть одинакимъ духомъ: надобно мнѣ и пѣснь!

Богатство терлетъ свое значеніе, когда при-
обрѣтается только для приобретенія! Тотъ до-
стоинъ имени человека, кто съ честью носитъ
его. Миръ — не вѣчное же наше достояніе, какъ
гласитъ мудрость, — хочу улѣтѣть, подобно со-
ловью: мнѣ наскучили сады!

Кто можетъ сказать на — утро, что доживетъ
до вечера? въ десницѣ Господней вѣхоль и вы-
ходъ изъ міра. Правда моя не имветъ хода:
умножилась неправда толпы. Двадцатеро не дер-
жатъ одного слуги: надобно мнѣ эти аги (бара)!

Какъ долго бы мы ни сидѣли на пирахъ: не
удержимъ міра за собою! Горе тебѣ, сынъ
Адама: ты пребываешь все въ дѣтствѣ! Из-
сыкло у меня терпѣніе, — не выношу толковъ
толпы! Друзья стали врагами, — наскучили мнѣ
недруги!

Нѣтъ счета страданьямъ Саятъ-Новы! Не
вкушаю я уже сладости былой славы, — уснули-
лась горечь жизни. Подобно соловью, плачу я:
умножились шипы у розы моей, не даютъ рас-
цуститься ей въ-пору, — опротивило мнѣ, что
ее рано срываютъ. . . .

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продается въ г. Тифлисъ кирпичный двухъ-
этажный домъ подъ черепичною крышею, съ
пристройками и землею въ 125 квадратныхъ
саженъ, принадлежащій Маіору Гаврилову,
близъ Саперныхъ казармъ на водовозной ули-
цѣ, возлѣ дома городской акушерки г-жи Спи-
ровой.

ПРИѢХАЛИ: Февраля 8-го: изъ С. Петербурга
Полковникъ Князь Васильчиковъ. 9-го: изъ Алашура
Маіоръ Сашиновъ. 10-го: изъ Шамшадильскаго участка
Штабъ-Капитанъ Князь Меликовъ.

ВЫѢХАЛИ: Февраля 9-го: въ Новороссійскъ Ма-
іоръ Лыковъ. 10-го: въ Оренбургскую Губернію Пол-
ковникъ Бекбулатовъ, въ Кіевъ Подпоручикъ Гада-
левскій.

Мѣсяцъ и числа по стар. стилю.	Часы.	Термометръ Р°.		Сырость воздуха	Барометръ при 15 1/3 Р°. Русск. полунш.	Направленія вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смоч.					Наим.	Наиб.
6-го Февр.	7 утра.	+ 1,8	+ 1,8	0,94	369,92	СЗ. оч. сл.	Облачно.	+ 0,8	+ 10,9
	1 попол.	+ 3,8	+ 6,5	0,64	369,54	СЗ. —	Обл. на гориз.		
	9 вечер.	+ 4,4	+ 5,2	0,79	371,90	СЗ. слаб.	—		
7-го Февр.	7 утра.	+ 2,7	+ 1,9	0,84	374,29	СЗ. оч. сл.	Обл. разс.	+ 1,6	+ 9,0
	1 попол.	+ 7,6	+ 6,0	0,76	376,27	В. сильн.	Облачно.		
	9 вечер.	+ 4,1	+ 5,8	0,94	377,51	В. слаб.	Пасмурно.		
8-го Февр.	7 утра.	+ 1,9	+ 1,9	1,00	376,57	СЗ. умѣр.	Густой туманъ.	+ 1,3	+ 10,7
	1 попол.	+ 0,6	+ 7,4	0,59	376,07	Тихо.	Облачно.		
	9 вечер.	+ 3,3	+ 4,8	0,88	377,08	Ю. умѣр.	—		
9-го Февр.	7 утра.	+ 4,2	+ 5,3	0,87	378,74	СЗ. оч. сл.	Облачно.	+ 5,2	+ 15,5
	1 попол.	+ 11,6	+ 8,1	0,57	374,39	СЗ. слаб.	Об. туманъ.		
	9 вечер.	+ 5,4	+ 3,0	0,93	377,22	ЮВ. слаб.	Облач. мѣск. д.		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.